

УДК 159.9.018

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ СОВМЕСТИМОСТИ СПОРТИВНОЙ ПЕДАГОГИКИ И СПОРТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ ТРЕНЕРСКОЙ РАБОТЫ

THE PROBLEM OF METHODOLOGICAL COMPATIBILITY OF SPORTS PEDAGOGY AND SPORTS PSYCHOLOGY IN THE PRACTICE OF COACHING

Передельский**Алексей Анатольевич** –

д-р пед. наук, канд. филос. наук, член-корр. РАЕН, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по научно-инновационной работе Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК), Москва, Россия

Peredilsky Alexey – Doctor

of Pedagogical Sciences, PhD in Philosophical Science, Corresponding Member of RAEN, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Vice-rector for Scientific and Innovative Work at the Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE), Moscow, Russia

Ключевые слова: методология, спортивная подготовка, спортивная психология, практика работы тренера.

Аннотация. В данной статье рассматривается существующий антагонизм (острое противоречие) между советско-российскими спортивно-педагогическими и спортивно-психологическими методологическими подходами, что способствует разрыву между теорией и практикой психолого-педагогической работы при подготовке спортсменов. Исследуются причины указанного антагонизма и рекомендуются алгоритмы снятия данного острого противоречия в интересах практики спортивной подготовки.

Keywords: methodology, sports training, sports psychology, coach practice.

Abstract. This article discusses the existing antagonism (acute contradiction) between the Soviet-Russian sports-pedagogical and sports-psychological methodological approaches, which contributes to the gap between the theory and practice of psychological and pedagogical work in the preparation of athletes. The causes of this antagonism are investigated and the algorithms for removing this sharp contradiction in the interests of sports training practice are recommended.

В практике работы тренеров по видам спорта (по крайней мере, в современной российской практике этой работы), несмотря на оптимистические декларации и прогнозы, спортивные психологи находят свое место не очень часто. Еще реже тот вклад в спортивные достижения, который они считают своей заслугой, можно действительно доказать и показать. Не выдавая за него реальную, многолетнюю и кропотливую деятельность тренерского состава. Безотносительно к фактам реального содействия или, наоборот, противодействия этой деятельности со стороны психологов, которые

конечно, можно объяснить, как объективными причинами достаточной или недостаточной профессиональной подготовки спортивных психологов, так и субъективными взаимоотношениями между психологом и тренером. Если дело обстоит подобным образом, то ситуация и объективно и субъективно в перспективе поправима. Однако, на наш взгляд, проблема здесь гораздо глубже. Она кроется в сложившемся методологическом антагонизме (неразрешимом в сложившихся обстоятельствах) противоречии между подходами спортивной педагогики и спортивной психологии к работе, казалось бы,

с одним и тем же объектом, но при практически непересекающихся и несовпадающих друг с другом предметных полях этих самоопределяющихся научно-практических прикладных дисциплин. Чтобы снять указанный антагонизм, полумер явно недостаточно. Следует довольно фундаментально изменить всю сложившуюся с отечественной спортивной психологией ситуацию. И начать следует с изменения или, по крайней мере, с существенной коррекции методологического подхода, бытующего в современной отечественной спортивной психологии.

Отчасти, базовым ядром, а лучше сказать, отправной точкой формирования имеющегося в российской спортивной психологии методологического подхода, является наследие «школы Рудика». Однако самого основателя этой школы и ее основных представителей вряд ли можно обвинить в научно-практической недобросовестности. Просто, предпринятые им, несомненно, удачные системные исследования и выполненные на основе последних разработки не исчерпывают собой все богатство более традиционного, с точки зрения мировой психологической мысли, анализа и профильного функционирования. Причем как западного, так и, в гораздо большей степени, восточного образца социопсихологических методологий и методик. Соответственно, «школа Рудика», при всей ее самобытности и системности, не может претендовать не только на всеобщность теоретико-методологического подхода, но и на его лидерство на профильной мировой арене. И не только потому, что часть всегда меньше целого, но и потому, что сегодня о существовании «школы Рудика» знают даже не все российские психологи. Не говоря уже о зарубежных специалистах, четко ориентированных на лидерство американской, а не советско-российской психологии (в том числе, и психологии спорта).

Мы не будем распространяться о вполне понятных причинах такого, довольно обидного для нас забвения и пренебрежения со стороны западных и восточных коллег. А остановимся лишь на констатации указанного факта, который легко проверить, проведя контент-анализ любых случайно выбранных неотечественных работ (источников) по спортивной психологии. Даже еще проще. Достаточно рассмотреть, какую мизерную роль отводят советско-российской психологии авторы соответствующих обзоров ЮНЕСКО, формирующих официальные международные энциклопедии один раз в 25 лет.

Итак, у нас есть веские основания исходить из того, что традиционная «рудиковская» психология с натяжкой традиционна лишь для российской спортивной науки. Значит при всем уважении к заслугам данной школы, не следует ограничиваться исследованиями только в рамках сформированного подхода. Следовательно, не обязательно и, возможно, в ряде случаев вообще не нужно искать пути разрешения проблемы антагонизма между спортивной педагогикой и спортивной психологией в области коррекции именно «рудиковских» разработок. Тем более, что на сегодняшний день мало кто из российских психологов по факту является действительным преемником и учеником «школы Рудика», способным провести такую коррекцию на высоком уровне.

Все вышеизложенное вовсе не означает, что разработки «школы Рудика» можно и нужно совсем отбросить, чтобы переключить внимание на более перспективный вектор развития спортивной психологии. Конечно нет. Просто, их следует рассматривать в качестве не единственного, а одного из нескольких возможных вариантов данного развития, не лишенного своих недостатков и своей ограниченности. О каких же недостатках может идти речь применительно к «рудиковскому направлению»?

Одной из главных, с точки зрения практики спортивной деятельности, слабостей «школы Рудика» выступает ее же, с научной точки зрения, сила, выраженная в системно-детальной проработке объема и содержания множества психологических понятий, сгруппированных по признаку отношения к психическим состояниям, психическим свойствам, психическим процессам и психическим качествам. Даже сама по себе эта систематизация, и это подтвердит любой серьезный специалист, далеко не безусловна и не однозначна, что во все времена и для любой научной дисциплины считалось очевидной слабостью. Так как язык строгой науки не терпит внутренней противоречивости, многозначности. Многозначность и противоречивость трактовки единого объекта и предмета неизменно и закономерно ведут к не всегда оправданной дифференциации научно-дисциплинированного знания. Что и происходит с современной отечественной спортивной психологией, по сути, представляющей собой не единую прикладную науку, а целый ряд родственных теоретико-концептуальных, конкурирующих друг с другом образований.

Следующим по счету относительно слабым звеном современной отечественной спортивной психологии выступает, как ни странно это звучит, снова

та же самая многоуровневая и полифрагментарная разработанность, делающая систему ее разделов, понятий, принципов и положений слишком громоздкой и сложной для восприятия и усвоения не имеющих фундаментального психологического образования спортивных тренеров. А когда тренер, отвечающий за результат подготовки спортсменов, принципиально не понимает теоретико-методических основ работы спортивного психолога, то ему легче и безопасней от услуг психолога просто отказаться, чем идти на эксперимент с непредсказуемыми и неясными для него самого последствиями. И в большинстве случаев столь кардинальное решение полностью оправдано тем, что спортивный психолог, даже будучи глубоким специалистом в своей области, является, со своей стороны, столь же некомпетентным в области спортивно-педагогической деятельности тренера. Но рекомендации, тем не менее, рискует давать, так как персональной ответственности за результат их воплощения, в отличие от тренера, не несёт.

Частным случаем, наглядно иллюстрирующим вышеуказанную слабость спортивно-педагогической прикладности спортивной психологии в данном аспекте уже не имеющим непосредственного отношения к «школе Рудика», выступает использование целого ряда аппаратных технологий на исследование внимания, памяти, реакции спортсменов. Эти технологии, может быть и неплохие сами по себе, часто в должной мере не учитывают специфику формирования и использования кинезиологических и психологических качеств и свойств спортсменов в реальной ситуации тренировочно-соревновательной практики [1].

Из всего изложенного выше напрашивается неожиданный для нас самих вывод о необходимости и целесообразности профессиональной подготовки не отдельно спортивных тренеров и отдельно спортивных психологов, а более универсальных специалистов психолого-педагогического профиля.

Другим, более ожидаемым и целенаправленно обоснованным в ряде наших работ выводом служит предположение о целесообразности использования в отечественной спортивной психологии иных, по сравнению со «школой Рудика» с ее явно выраженным (по крайней мере, для нас) акцентом

на методику идеомоторной тренировки, психоанализа и психокоррекции), оснований и принципов мировой психологии. Например, исходящих из традиционной даосско-буддисткой китайско-индийской древней и средневековой психологии. Кстати, американская спортивная психология втихомолку эксплуатирует методологию этой психологии выдавая ее за свою собственную.

Из этого следует третий вывод (вернее, предположение, требующее подробного обоснования в дальнейшем) о том, что такая психология в большей степени действенна практически больше применима для тренерской работы, во-первых, в силу ее простоты, во-вторых, в силу ее смещенного акцента с научно-теоретического анализа и его сложных специальных аппаратных методов на самую практическую деятельность. В свою очередь, такой акцент способен, как минимум, нейтрализовать существующую разнородность психологической и педагогической работы в спорте, преодолеть слабую взаимосвязанность педагогической подготовки спортсменов и их психологического тренировочно-соревновательного сопровождения.

Иными словами, по нашему глубочайшему убеждению, решение проблемы методологического и практического антагонизма между современной спортивной педагогикой и современной спортивной психологией следует искать на пути применения веками проверенных даосско-дзэн-буддистских методологий и методик психологии и психофизического управления.

Литература

1. Кондрух А.И. Психология практической стрельбы. Основы психологической подготовки и сопровождения: монография / А.И. Кондрух, А.А. Передельский, Р.А. Передельская; под общ. ред. А.И. Кондрух. – М.: Спорт, 2017. – 130 с.

Literature

1. Kondruh A.I. Psychology of practical shooting. Fundamentals of psychological preparedness and support: monograph / A.I. Kondruh, A.A. Peredel'skij, R.A. Peredel'skaya; pod obshch. red. A.I. Kondruh. – M.: Sport, 2017. – 130 p.